

Научная статья

УДК 908

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-460-28-47

Селезnev Федор Александрович

доктор исторических наук, профессор

Нижегородский государственный университет

им. Н. И. Лобачевского

Нижний Новгород, Россия

fseleznev@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0934-3312

Аксянова Ольга Владиславовна

Нижегородский государственный

историко-архитектурный музей-заповедник

Нижний Новгород, Россия

aksanova.ov@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7931-8799

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
ПО ОТНОШЕНИЮ К СТАРООБРЯДЧЕСКИМ СКИТАМ
И ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ
(1825–1855)**

Аннотация. Авторы рассматривают формирование и реализацию государственной политики по отношению к старообрядческим скитам на реке Керженец в эпоху царствования Николая I. В качестве источников привлечены законодательные акты и материалы официального делопроизводства. По мнению авторов, пример Нижегородской губернии показывает, что в эпоху Николая I не существовало единой координированной программы действий государства и церкви по ликвидации старообрядческих скитов. Правительственные распоряжения возникали как реакция на предложения с мест и носили локальный характер. Инициатором активизации борьбы со старообрядческими скитами выступил архиепископ Нижегородский и Арзамасский Иаков (Вечерков). Его деятельным помощником выступил чиновник по особым поручениям П. И. Мельников. Губернатор М. А. Урусов покровительствовал старообрядцам. При попустительстве губернских и полицейских чиновников способ реализации правительенных мер на местах был максимально мягким по отношению к скитам. Самые значимые керженские скиты — Оленевский, Комаровский, Улангерский, Чернухинский — пережили эпоху Николая I.

Ключевые слова: старообрядчество, старообрядческие скиты, Российская империя, история России, Николай I, П. И. Мельников, Нижегородская губерния.

Для цитирования: Селезнев Ф. А., Аксянова О. В. Государственная политика по отношению к старообрядческим скитам и ее осуществление в Нижегородской губернии (1825–1855) // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 4 (60). С. 28–47. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-460-28-47>

Original article

UDC 908

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-460-28-47

Seleznev Fedor A.

Doctor of Historical Sciences, Professor

Lobachevsky University

Nizhny Novgorod, Russia

fseleznev@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0934-3312

Aksyanova Olga V.

Nizhny Novgorod State Reserve

Museum of History and Architecture

Nizhny Novgorod, Russia

aksyanova.ov@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7931-8799

**STATE POLICY TOWARD OLD BELIEVER HERMITAGES
AND ITS IMPLEMENTATION
IN NIZHNY NOVGOROD PROVINCE (1825–1855)**

Abstract. The authors examine the formation and implementation of state policy toward Old Believer hermitages on the Kerzhenets River during the reign of Nicholas I. Legislative acts and official administrative documents serve as the primary sources. The authors argue that the case of Nizhny Novgorod Province demonstrates the absence of a unified, coordinated program between the state and the Church for the elimination of Old Believer hermitages under Nicholas I. Government directives emerged in response to local initiatives and were limited in scope. The main proponent of the crackdown on Old Believer hermitages was Archbishop Iakov (Vecherkov) of Nizhny Novgorod and Arzamas. He was actively supported by special assignments official P. I. Melnikov. Meanwhile, Governor M. A. Urusov favored the Old Believers. Due to the leniency of provincial and police officials, the enforcement of government measures was notably mild. The most prominent Kerzhenets hermitages — Olenevsky, Komarovsky, Ulandersky, and Chernukhinsky — survived the Nicholas I era.

Keywords: Old Believers, Old Believer hermitages, Russian Empire, Russian history, Nicholas I, P. I. Melnikov, Nizhny Novgorod province.

For citation: Seleznev F. A., Aksyanova O. V. State policy toward old believer hermitages and its implementation in Nizhniy Novgorod province (1825–1855) // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 4 (60). P. 28–47. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-460-28-47>

Bведение. Известный старообрядческий публицист Ф. Е. Мельников (1874–1960) охарактеризовал эпоху Николая I как «мрачную и грозную для старообрядчества»¹. Однако кто был инициатором гонений против приверженцев староверия, происходивших в правление

¹ Мельников Ф. Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул, 1999. С. 166.

этого императора? Сам царь или кто-то из его окружения? С какой целью проводились указанные акции? Каков был механизм репрессий, и насколько эффективно их осуществляли местные власти? Какова была роль при этом духовенства главенствующей церкви? На все эти важные для истории старообрядчества вопросы в научной литературе пока нет однозначных и обоснованных ответов.

Ф. Е. Мельников главным недругом старообрядцев считал лично Николая I, «миссионера на царском троне», стремившегося обратить раскольников в единоверие². Однако А. В. Апанасенок полагает, что переход к консервативно-охранительной политике, «имевший весьма ощутимые последствия для жизни старообрядцев», наметился еще в конце правления Александра I. Правда, он соглашается с тем, что «кардинальное изменение вектора государственной политики» в отношении старообрядцев произошло все-таки при Николае I, но связывает названный поворот не с личными амбициями монарха, а с тем, что власть во второй четверти XIX в., после кодификации законов, приобрела характер «правомерной бюрократической монархии». И коль скоро раскол по-прежнему оставался за рамками правового поля, выходившие при Николае I акты были направлены на то, чтобы «максимально ограничить его публичные проявления»³. В данной статье эта проблема рассматривается на примере политики государства по отношению к старообрядческим скитам в эпоху Николая I.

Ход и результаты исследования. В. И. Даль характеризовал старообрядческие скиты как «раскольничьи монастыри», которые «строились втихомолку, исподволь»⁴. Исходя из этого понимания, в литературе внутреннее устройство скитов часто сближают с порядком, существовавшим в православных монастырях. Так, в описании И. И. Верняева все скитское движимое и недвижимое имущество находилось в руках одного человека — настоятеля или настоятельницы, которые получали это звание в ходе выборов или по завещанию от предыдущих управляющих. При этом настоятель, как и в православных монастырях, определял по своему усмотрению каждому жителю скита келью, предоставляя только право проживания⁵.

Однако, судя по документам, скит представлял собой не монастырь, а селение, не имевшее единого начальника (начальницы). Как и любая деревня, скит состоял из отдельных домохозяйств. Эти большие жилые помещения назывались обителями. Каждая обитель состояла из нескольких келий с общей крышей и сенями. Внутри обители (очень редко отдельно, рядом с ней)

² Мельников Ф. Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. С. 166–167.

³ Апанасенок А. В. Религиозный традиционализм в провинциальной России: история старообрядческих сообществ Центрального Черноземья в XVII – начале XX в. Курск, 2014. С. 130–131.

⁴ Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / авт.-сост. В. И. Даль. 2-е изд. СПб., 1882. Т. 4. С. 201.

⁵ Верняев И. И. Очерки истории этноконфессиональной политики в России. СПб., 2017. С. 401.

имелась моленная. Обители назывались по имени хозяйки (хозяина) избы. Например, Манефина обитель, Глафирина обитель, Капитолинина обитель. Хозяйка юридически являлась собственницей всех строений обители, официально — просто жилого дома⁶.

Такие дома могли передаваться от одного родственника к другому. Например, Таисина обитель досталась «мещанской девке Ярославской губернии города Романово-Борисоглебска Федосье Егоровой Медниковой после умершей родной сестры Татьяны Егоровой»⁷. Но подобные случаи были редки. Обычно дома наследовались не по принципу родства. Определяющее значение, по-видимому, имело решение общины.

Абсолютное большинство обителей и, соответственно, скитов были женскими. В них временно проживало немало молодых девушек-мирянок. В. Ф. Соколова в этой связи цитирует жалобу священника с. Пафнутиево Самсона Тихонравова епископу Нижегородскому и Арзамасскому на то, что жители сел Ронжино, Елфимово, Васильево отдают своих дочерей на жительство в Комаровский скит. Исследовательница делает вывод о том, что скиты таким образом приобретали значение «старообрядческих пансионов»⁸. Целью пребывания девушек в скитах было их обучение домашнему хозяйству и воспитание в духе старообрядческого благочестия.

П. И. Мельников подробно исследовал динамику развития керженских скитов в XVII–XVIII вв.⁹ Не говоря об этом прямо, он, по сути, соотносит увеличение или уменьшение числа скитов с изменениями правительственной политики по отношению к старообрядцам — репрессивной при Петре I и благожелательной при Екатерине II.

Уточнение в эту схему можно внести, исходя из выводов, сделанных А. В. Морохиным при изучении истории старообрядчества в царствование Елизаветы Петровны. Именно тогда, а не при Екатерине, согласно данным этого исследователя, началось возрождение заволжских скитов, вопреки политике Елизаветы, не отличавшейся веротерпимостью и направленной на усиление мер борьбы с раскольниками. «Но практические результаты этих мер зависели от деятельности властей», — делает вывод А. В. Морохин¹⁰.

Автор имел в виду нижегородское епархиальное начальство, внимание которого к проблеме раскола после кончины Питирима ослабело. Церковь

⁶ Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2. Оп. 4. Д. 2596. Л. 20.

⁷ Там же.

⁸ Соколова В. Ф. Нравственное состояние и экономическое положение нижегородских старообрядцев XIX в. (по материалам научных и художественных исследований П. И. Мельникова-Печерского) // Старообрядчество: история, культура, современность. 2000. Вып. 8. С. 21.

⁹ Мельников П. И. Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии // Действия Нижегородской губернской учетной архивной комиссии. Т. IX. Ч. 1. Н. Новгород, 1910. С. 107, 111.

¹⁰ Морохин А. В. Заволжские старообрядческие скиты в 40–50 гг. XVIII века // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: сб. науч. и метод. трудов. Н. Новгород, 2001. С. 145.

«большее значение стала придавать миссионерской деятельности среди языческих народов Поволжья»; в этих условиях и «начинается возрождение старообрядческих скитов в Заволжье»¹¹.

На основе исследования А. В. Морохина можно сделать вывод о том, что императрица Елизавета и ее окружение давали общие установки государственной политики по отношению к старообрядчеству, но не следили внимательно за их осуществлением. Таким образом, эффективность правительственной политики по отношению к раскольническим скитам при Елизавете зависела преимущественно от позиции местных церковных властей. Светская же администрация губернского уровня самостоятельной роли в этом вопросе не играла.

В эпоху Екатерины II верховная власть более пристально наблюдала за ситуацией на местах, проводя в целом покровительственную по отношению к старообрядцам политику¹². Александр I по отношению к старообрядческим скитам следовал линии Екатерины II. Более того, он даже побывал в одном из них. В 1824 г., путешествуя по Уралу, император посетил старообрядческую часовню в ските на озере Шарташ около Екатеринбурга¹³.

В результате политики Екатерины II и Александра I, делает вывод историк И. А. Мельников, «появилась тенденция легализации старообрядческих центров»¹⁴. Они стали полулегальными, или, употребляя терминологию того времени, гласными¹⁵.

Судя по данным, имеющимся в литературе, на протяжении большей части правления Николая I в положение скитов никаких существенных изменений не произошло. Негласные раскольнические монастыри в конце 1830 – начале 1850-х гг. успешно действовали в Новгородской губернии¹⁶. Скитская жизнь продолжалась на Урале, причем об этом знали екатеринбургские архиереи¹⁷. В Саратовской губернии легально действовали возникшие при Екатерине II на реке Большой Иргиз так называемые Иргизские старообрядческие монастыри. Их настоятели были наделены правами сельских старост и в этом качестве с 1828 г. официально подчинялись казенной палате и находились под контролем губернатора.

¹¹ Морохин А. В. Заволжские старообрядческие скиты...

¹² Ибнекова Г. В. Императрица Екатерина II и старообрядческое население Нижегородского края // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): сб. науч. трудов. М., 2010. Вып. 4. С. 64–79.

¹³ К 200-летию пребывания Александра I в Екатеринбурге (к истории вопроса) / В. Н. Синько и др. // Право и управление. 2024. № 12. С. 430.

¹⁴ Мельников И. А. Старообрядческие скиты и богадельни Новгородской губернии во второй половине XVIII – XIX вв. // Вестник архивиста. 2020. № 4. С. 1060.

¹⁵ Белобородов С. А. О типологии старообрядческих скитов на Урале // Церковь. Богословие. История. Материалы III Международной научно-богословской конференции, посвященной 130-летию Екатеринбургской епархии и памяти Собора новомучеников и исповедников Церкви Русской. Екатеринбург, 2015. С. 55.

¹⁶ Мельников И. А. Указ. соч. С. 1061–1065.

¹⁷ Белобородов С. А. Указ. соч. С. 55–56.

Правда, положение Иргизских монастырей резко ухудшилось, когда в 1826 г. должность саратовского губернатора занял князь А. Б. Голицын. Он, во многом под воздействием местного епископа Иринея (Несторовича), отправил в МВД проект по лишению старообрядцев всех вольностей, дарованных им в предыдущие царствования, и путем угроз добился в 1829 г. присоединения одного из Иргизских монастырей к единоверию. Но, как признал даже С. А. Зеньковский, в общем критически настроенный к Николаю I, князь Голицын действовал по собственной инициативе, а не по приказанию свыше. Царь же повелел прекратить начатое преследование раскольников, ограничившись исполнением общих законов¹⁸. Добавим, что в 1830 г. Голицын был лишен губернаторского поста.

В 1836 г. Николай I, беседуя с новым саратовским губернатором А. П. Степановым, пообещавшим монарху привести старообрядцев «к одному знаменателю», сказал в ответ: «Без сильных мер; надо действовать осторожно и не раздражать». Но Степанов, с одной стороны, уяснивший для себя, что царь находит оптимальным решением проблемы Иргизских монастырей их присоединение к единоверию, а с другой — попавший под влияние убежденного борца с расколом, епископа Саратовского и Царицынского Иакова (Вечеркова), стал действовать резко и жестко. Он написал письмо министру внутренних дел Д. Н. Блудову о том, что нужно «спешить с исполнением высочайшей воли». На основании этого письма Секретный комитет по делам о расколе в 1836 г. принял решение о присоединении следующего Иргизского монастыря к единоверию. Постановление комитета было утверждено императором. Уведомление об этом было доведено до губернатора Степанова и (по линии Синода) до епископа Иакова. Местные власти немедленно приступили к выполнению теперь уже официально выраженной воли монарха, для чего в 1837 г. пришлось применять военную силу. Это вызвало недовольство Николая I и выговор со стороны министра внутренних дел Блудова¹⁹.

Губернатор Степанов лишился должности. Но епископ Иаков остался на месте и методично воздействовал на его преемников. Так, Иаков выступал «постоянным и даже фанатичным оппонентом» губернатора А. М. Фадеева в вопросах, связанных с борьбой с расколом²⁰. И тому приходилось уступать. Под влиянием епископа Фадеев с самого приезда в Саратов оказался лично вовлечен в процесс перехода насельников Иргизских монастырей в единоверие, что в конце концов обеспечило успех этого мероприятия²¹.

¹⁸ Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: в 2 т. / сост. Г. М. Прохоров; общ. ред. В. В. Нехотина. М., 2009. С. 417–418.

¹⁹ Рыков Ю. Д. Новонайденная повесть о разорении Иргизского Средне-Никольского монастыря в 1837 г. // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): сб. науч. трудов. М., 1999. Вып. 4. С. 303–304.

²⁰ Клейтман А. Л. Рукописное наследие епископа Саратовского и Царицынского Иакова (Вечеркова) в российских архивах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2014. Т. 14. Вып. 3. С. 112.

²¹ Фадеев А. М. Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. Одесса, 1897. С. 159.

Однако главную роль в присоединении Иргизских монастырей к единоверию сыграл епископ Иаков²². На волне этого успеха в 1847 г. он был переведен в Нижегородскую губернию.

Вскоре после своего прибытия в Нижний Новгород Иаков направил губернатору М. А. Урусову официальный запрос о том, «на каком основании находящиеся в Нижегородской губернии раскольничьи скиты пишутся деревнями»²³. Губернатор в ответ сослался на решение Министерства государственных имуществ.

Оказалось, что, согласно предписанию министра государственных имуществ П. Д. Киселева от 28 ноября 1838 г., находящиеся в Семеновском уезде скиты были переименованы в деревни²⁴. Тем самым снимались проблемы, связанные с незаконностью их существования и статусом их насельников, превращавшихся в обычных крестьян. Это вызвало недоумение Иакова. Но в официальных нижегородских документах скиты и далее фигурировали как деревни, обители — как крестьянские дома, а их насельники — как крестьяне. Название «скит» используется реже и только как уточнение. Так, в деле от 20 сентября 1848 г. место проживания настоятельницы Шарпанского скита Анны Ивановой обозначено как «деревня Шарпан (скит тоже)». Сама она названа крестьянкой²⁵. В деле по рапорту семеновского исправника об отправившихся в Москву для сбора подаяний жительницах раскольнических скитов от 6 февраля 1849 г. Комаровский скит назван деревней Комарово²⁶.

Таким образом, для властей скиты остались деревнями, несмотря на недовольство Иакова. Как видим, новому нижегородскому епископу не удалось добиться эффективного взаимодействия с М. А. Урусовым, как это у него получилось с саратовским губернатором А. М. Фадеевым.

М. А. Урусов же дистанцировался от вопроса борьбы со старообрядцами, с которыми связывал осуществление важных для себя проектов. Он ограничился тем, что поручил помогать Иакову своему чиновнику для особых поручений П. И. Мельникову.

Этот известный в будущем писатель был назначен чиновником особых поручений при нижегородском военном губернаторе 8 апреля 1847 г.²⁷ В течение трех лет нахождения на указанной должности он выполнил 87 поручений, большинство из которых имели секретный статус²⁸. При этом значительная

²² Наумлюк А. А. Государственная конфессиональная политика по отношению к старообрядчеству в Саратовско-Самарском Поволжье во второй половине XVIII – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2009. С. 18.

²³ ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 1562. Л. 1.

²⁴ Там же. Л. 2.

²⁵ Там же. Оп. 6. Д. 419 Л. 16.

²⁶ Там же. Оп 4. Д. 2634 Л. 1.

²⁷ Усов П. С. Павел Иванович Мельников (Андрей Печерский), его жизнь и литературная деятельность // Полное собрание сочинений П. И. Мельникова (Андрея Печерского). СПб.; М., 1897. Т. 1. С. 92.

²⁸ Там же. С. 95.

часть поручений, выполненных Мельниковым, заключалась в проведении расследований по делам, касавшимся старообрядцев²⁹.

С самого начала П. И. Мельников вел их в тесном взаимодействии с епископом Иаковом. Они быстро сошлись на почве общего интереса к истории и приступили к обращению старообрядцев в единоверие. Для этого в 1847 г. они стали вместе ездить по лесному Заволжью. Иаков увещевал староверов, а П. И. Мельников сопровождал епископа³⁰.

В это время власти проявляли повышенное внимание к приверженцам старой веры, которые в 1846 г. обзавелись собственным митрополитом. Центр митрополии (Белая Криница) располагался за границей — на Буковине (Австро-венгерская империя). Это вызвало возмущение и тревогу Николая I³¹. 13 мая 1847 г. царь повелел министру внутренних дел при содействии шефа жандармов принять срочные меры к прекращению сношений российских старообрядцев с буковинскими раскольниками³². Особое внимание было удалено старообрядцам Черниговской губернии, наиболее близким к границе. Царь взял положение в раскольничих слободах Черниговской губернии под личный контроль. Там надлежало наладить учет раскольников. 3 апреля 1848 г. Николай I определил к черниговскому гражданскому губернатору двух чиновников особых поручений «для дел раскольничих» с жалованием 500 рублей каждому³³.

Министр внутренних дел Л. А. Перовский принял аналогичные меры в отношении старообрядцев Нижегородской губернии. Решено было узнать их точную численность и определить, где они живут. 12 мая 1848 г. министр внутренних дел Л. А. Перовский возложил эту задачу на своего чиновника особых поручений В. А. Алябьева (1784–1857). Ему предписывалось «осмотреть по Нижегородской губернии находящиеся в оной раскольнические скиты и моленные, и составить подробные о них сведения» по образцу описания скитов в Черниговской губернии³⁴.

Пожилой чиновник не торопился ехать в Нижний Новгород. Он прибыл туда только 5 сентября 1848 г. В Нижнем Алябьев обратился к губернатору Урусову с просьбой о содействии в сборе сведений относительно раскольнических скитов Семеновского уезда. Представителя МВД прежде всего интересовали описи каждого «строения и другого недвижимого имущества, если таковые имеются, с объяснением: каким образом сие последнее приобретено в собственность скита», а также «документы на право владения», с которых следовало списать копии. Кроме того, надлежало сделать «описи икон и книг, находящихся в моленных», скрепив их подписями настоятелей и настоятельниц обителей. Помимо этого,

²⁹ Селезnev Ф. А. Особые поручения чиновника Мельникова: Писатель Андрей Печерский на государственной службе // Родина. 2014. № 2. С. 37–40.

³⁰ Мельников П. И. Указ. соч. С. 144–145.

³¹ Зеньковский С. А. Указ. соч. С. 471, 474.

³² Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1875. С. 378.

³³ Там же. С. 396.

³⁴ ОР РГБ. Ф. 17 (Собрание рукописных книг Е. В. Барсова). № 39. Материалы (рапорты, записки и ведомости) о старообрядцах Нижегородской, Олонецкой и Вологодской губерний. Л. 69.

требовалось составить именные списки раскольников, проживающих в скитах, «как жительствующих в оных до того времени, когда скиты были переименованы в деревни, так и тех, которые после того водворились на жительство в означенных скитах, и все ли эти раскольники имеют узаконенные виды»³⁵.

М. А. Урусов 16 сентября 1848 г. уведомил Алябьева, что сбор всех этих сведений возложен на состоящего при нем старшего чиновника особых поручений Мельникова. Распоряжением губернатора П. И. Мельникова был прикомандирован в помощь Алябьеву. 10 декабря 1848 г. Мельников доставил Алябьеву необходимые сведения. В рапорте министру внутренних дел от 26 февраля 1849 г. Алябьев доложил, что при личном осмотре раскольнических скитов в Семеновском уезде все сведения Мельникова «по поверке мною на местах оказались совершенно верными»³⁶.

Таким образом, Алябьев сам побывал в скитах. Есть сведения, что в декабре 1848 г. П. И. Мельников провез Алябьева по семи из них³⁷.

На основе полученных сведений Алябьев предложил разделить выявленные раскольнические скиты на классы: «первый состоит из главных скитов по количеству живущих в них раскольников обоего пола, по влиянию и по известности оных»; второй класс менее значителен, а «третий заключается в малых скитах». По этой классификации к первому классу Алябьевым были отнесены скиты «Комаровский в коем считается жителей раскольников 300 душ, Оленевский 295, и Улангерский 95 душ обоего пола» (все — поповцы). Второй класс составляли скиты Фундриковский (44 жителя), Шарпанский (41 житель), Гордеевский (49 житель), Осиновский (40 жителей), и Чернухинский (34 души) — все поповские (кроме Осиновского — Спасово согласия). В третьем классе, по Алябьеву, значились скиты Пуриховский (34 жителя, поповцы), Липовский (22 жителя, Поморское согласие), Прудовский (17 жителей, поповцы), Крутовражский (14 жителей, поповцы), Быстренский (12 жителей, поповцы и Спасово согласие), Кошелевский (10 жителей, поповцы), Керженский, или Благовещенский (10 жителей, поповцы, а потом единоверцы), Ворошиловский (7 жителей, Спасово согласие), Федосеевский (6 жителей, поповцы), Малиновский (5 жителей, поповцы) и Муховатовский (две души, Спасово согласие)³⁸.

³⁵ ОР РГБ. Ф. 17 (Собрание рукописных книг Е. В. Барсова). № 39. Материалы (рапорты, записки и ведомости) о старообрядцах Нижегородской, Олонецкой и Вологодской губерний. Л. 69 об., 70, 70 об.

³⁶ Формулярный список о службе П. И. Мельникова // Действия Нижегородской губернской учетной архивной комиссии. Т. IX. В память П. И. Мельникова (Андрея Печерского). Н. Новгород, 1910. Ч. I. С. 88; ОР РГБ. Ф. 17 (Собрание рукописных книг Е. В. Барсова). № 39. Материалы (рапорты, записки и ведомости) о старообрядцах Нижегородской, Олонецкой и Вологодской губерний. Л. 70 об. – 71 об.

³⁷ Пивоварова Н. В. Скиты Семеновского уезда Нижегородской губернии и П. И. Мельников (По материалам Российского государственного исторического архива) // Старообрядец. 2002. № 25. С. 15.

³⁸ ОР РГБ. Ф. 17 (Собрание рукописных книг Е. В. Барсова). № 39. Материалы (рапорты, записки и ведомости) о старообрядцах Нижегородской, Олонецкой и Вологодской губерний. Л. 71–73.

Никакой информации, способной вызвать гнев или тревогу монарха Алябьев наверх не отправил. Наоборот, его сведения носили, скорее, успокаивающий характер. «Вновь устроенных моленных не имеется, и чтобы образные горничцы у раскольников по беспоповщине заключали в себе настоящие моленные не замечено», — докладывал Алябьев министру внутренних дел в рапорте от 5 марта 1849 года³⁹.

Правда, Алябьев указал на наличие в скитах жителей, чье пребывание там не было никак зафиксировано официально. В этой связи в своем отчете министру он отметил, что обращение скитских раскольников в единоверие (что считалось оптимальным решением проблемы) возможно только при условии очистки скитов «от наброда безпаспортных, то есть людей, не приписанных к ним по ревизии»⁴⁰.

В отличие от Алябьева П. И. Мельников полагал, что к обращению Семеновских скитов в единоверие можно приступить прямо сейчас. Формально Павел Иванович выполнял поручение губернатора М. А. Урусова⁴¹. Но есть все основания полагать, что вдохновителем поездок П. И. Мельникова летом 1848 г. был епископ Иаков. С его благословения Павел Иванович, как он сам с гордостью вспоминал, «вступил в полемические споры с раскольниками Керженских скитов, и главнейший из них Керженский мужской и Осиновский женский, обратил к единоверию...»⁴².

Под Керженским мужским имеется в виду Благовещенский скит, основанный в 1814 г. на правом берегу Керженца иноком Тарасием. Самого Тарасия П. И. Мельников лично убедил перейти в единоверие.

В том же ските и вообще на Керженце большим авторитетом пользовался монах Дионисий, он же Дмитрий Рахманов, брат известных московских хлебных торговцев Алексея Андреевича и Федора Андреевича Рахмановых, попечителей Рогожского старообрядческого кладбища. Купцы Рахмановы хотели сделать Дионисия старообрядческим архиепископом Московским. Тот, возвращаясь из частых поездок в Москву, рассказывал, что он или его брат Алексей разговаривали с царем или наследником престола и слышали от них, что все стеснения свободы раскольников происходят без ведома императорской власти. Кончилось это тем, что Дионисий стал писать подложные царские указы о свободе богослужения для старообрядцев⁴³. При обыске Керженского

³⁹ ОР РГБ. Ф. 17... Л. 10.

⁴⁰ Звездин А. И. Нижегородский секретныйсовещательный комитет по делам о раскольниках и его деятельность // Действия Нижегородской губернской учетной архивной комиссии. Т. IV. Н. Новгород, 1900. С. 32.

⁴¹ Аксянова О. В. Служебные поручения П. И. Мельникова (1848–1849 гг.) // Нижегородский краевед: сб. науч. статей. Вып. 4 / сост. и науч. ред. Ф. А. Селезнев. Н. Новгород, 2018. С. 143–149.

⁴² Автобиография П. И. Мельникова // Действия Нижегородской губернской учетной архивной комиссии. Т. IX. В память П. И. Мельникова (Андрея Печерского). Ч. I. С. 79.

⁴³ Усов П. С. Указ. соч. С. 97–98.

скита П. И. Мельников обнаружил такой ложный указ. Выявили, что писал его Дионисий (Рахманов). Было открыто дело, к которому привлекался и один из московских братьев Дионисия — купец Рахманов⁴⁴.

Разоблачение фальшивого характера указа, который Дионисий выдавал за царский, произвело большое впечатление на насельников Благовещенского скита и способствовало их переходу в единоверие. На основе Благовещенского скита нижегородские духовные власти в 1849 г. открыли Благовещенский единоверческий монастырь, игуменом которого стал Тарасий. Именно в единоверческий Керженский Благовещенский монастырь будет передана главная святыня керженских скитов — список Казанской иконы Божьей Матери⁴⁵. Этот список хранился в Шарпанском ските. По преданию, он принадлежал царю Алексею Михайловичу и был подарен им Соловецкому монастырю, а потом соловецкий инок Арсений доставил икону на Керженец. 19 августа 1848 г. П. И. Мельников явился в Шарпансский скит и забрал Казанскую икону⁴⁶. Ее изъятие произвело на старообрядцев ошеломляющее впечатление. Они сочли это событие грозным предвестием упадка скитов. Поездка Мельникова обросла легендами⁴⁷.

По мнению В. Ф. Соколовой, Мельников изъял Казанскую икону из Шарпансского скита «по приказу» Иакова⁴⁸. Однако документальных подтверждений этому она не привела. Да и не мог епископ приказывать чиновнику. Но то, что Павел Иванович и епископ Иаков действовали согласованно, несомненно. Общую позицию они заняли и по поводу возвращения иконы настоятельнице Шарпансского скита — Анне Ивановой.

Анна Иванова (в иночестве — Августа) обратилась с соответствующей просьбой к исполняющему обязанности начальника Нижегородской губернии (на время отсутствия губернатора Урусова) вице-губернатору М. М. Панову. Панов распорядился удовлетворить ее ходатайство, о чем написал епископу Иакову. Тот, однако, отказался выполнить предписание вице-губернатора: 27 сентября 1848 г. икона была отправлена в ризницу Нижегородского кафедрального собора на хранение⁴⁹.

13 января 1849 г. Мельников писал вновь приступившему к исполнению обязанностей губернатора М. А. Урусову, что передача иконы в Шарпан «возвратит раскольникам прежнюю их энергию», и, напротив, если им не будет

⁴⁴ ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 2856. Л. 3, 5.

⁴⁵ Селезнев Ф. А., Иванова Т. Ю. П. И. Мельников в Шарпанском скиту (1848 год): документы ЦАНО // Нижегородский краевед: сб. науч. статей. Вып. 1 / отв. ред. Ф. А. Селезнев. Н. Новгород, 2015. С. 98–110.

⁴⁶ ЦАНО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 419. Л. 2 об.

⁴⁷ Рудаков С. В. Краткая история заволжских скитов. «Мельниковское зорение» // Старообрядец. 1997. № 5. С. 14.

⁴⁸ Соколова В. Ф. П. И. Мельников (Андрей Печерский). Очерк жизни и творчества. Горький, 1981. С. 66.

⁴⁹ ЦАНО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 419. Л. 6.

«оказываемо послабления», они в скором времени обратятся к единоверию⁵⁰. В итоге прошение скитницы Анны Ивановой Нижегородскому губернатору о возвращении ей иконы было отклонено рапортом Семеновского земского суда от 18 февраля 1849 г.⁵¹ и список Казанской иконы Божьей Матери был передан в единоверческий Керженский Благовещенский монастырь.

П. И. Мельников продолжал энергично действовать в заданном направлении. Немалое число старообрядцев тайно изъявили ему желание перейти в единоверие, в частности 17 человек в первоклассном (по определению Алябьева) Оленевском ските и 12 человек в Осиновском ските. «Кроме того, известны мне еще 68 человек, живущих в скитах, которые склонны к единоверию, совершенно понимают свое заблуждение, но до открытого или официального обращения не решающихся изъявить согласие», — докладывал П. И. Мельников⁵². Остальные «были уже на ниточке: все бы приняли единоверие», писал Мельников Д. Н. Толстому в марте 1850 г.⁵³

Однако слишком активная деятельность Мельникова на этом поприще пришла не по вкусу кое-кому из влиятельных нижегородских чиновников. «Чтобы не иметь с ними столкновений, я оставил в покое раскольников», — признавался Павел Иванович в том же письме⁵⁴.

Речь шла прежде всего о нижегородском губернаторе М. А. Урусове, чье «благорасположение и дружбу» удалось завоевать неформальному лидеру местных беглопоповцев Петру Бугрову. Тот, когда в Нижнем Новгороде сгорел городской деревянный театр, построил за свой счет новый каменный. Урусов же обожал театральное искусство и в благодарность Бугрову позволял перестраивать и достраивать керженские скиты и саботировал правительственные распоряжения, опасные для раскольников⁵⁵.

Так, в мае 1849 г. министр внутренних дел затребовал от М. А. Урусова прислать как сведения, так и заключение о раскольнических скитах и моленных, находящихся в разных уездах Нижегородской губернии. Заключение, естественно, предусматривало соответствующий план действий по отношению к скитам в контексте оценки сведений и предложений В. А. Алябьева о выселении из них беспаспортных. Не получив названные документы, министр в конце сентября 1849 г. потребовал от губернатора поспешить. Тот, однако, никак не отреагировал. И Л. А. Перовскому 22 декабря 1849 г. пришлось требовать прислать эти бумаги «в самоскорейшем времени» с объяснением, почему министерское распоряжение до сих пор не выполнено⁵⁶.

⁵⁰ Селезнев Ф. А., Иванова Т. Ю. Указ. соч. С. 107.

⁵¹ ЦАНО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 419. Л. 16.

⁵² Там же. Оп. 4. Д. 2596. Л. 17.

⁵³ Письма П. И. Мельникова (Печерского) к графу Д. Н. Толстому // Труды Рязанской [губернской] ученой архивной комиссии за 1887 год. 1888. Т. II. № 1. С. 5–6.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Зеньковский С. А. Указ. соч. С. 429.

⁵⁶ ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 2596. Л. 2–3.

Тем не менее и в 1850 г. приказание министра не было исполнено. Дело сдвинулось с мертвой точки только в 1851 г., когда в Нижнем Новгороде был открыт Секретный совещательный комитет по делам раскольников⁵⁷. Туда и было перенесено М. А. Урусовым рассмотрение данного вопроса. Губернатор потребовал от чиновников обсудить «сведения и предложения о раскольнических скитах Семеновского уезда»⁵⁸. Комитетом были привлечены обширные сведения по данному делу, включая давность заселения Семеновских скитов, прежние распоряжения, нюансы жизни скитниц и т. д. По завершении заседания было принято решение считать предложение В. А. Алябьева «в некоторой степени стеснительным»⁵⁹ и переселять только тех жителей скитов, которые не успели обзавестись значительным хозяйством, а точнее, проживали на этом месте менее 7–10 лет. Сторонники жесткой линии — начальник Удельной конторы В. И. Даль и жандармский полковник Панютин — оказались в меньшинстве. Они приложили свои соображения по данному вопросу отдельно. Оба они были согласны с предложениями В. А. Алябьева о выселении всех не приписанных к семеновским скитам раскольников. Даль и Панютин полагали, что никакой опасности в «раздражении и озлоблении раскольников» данными действиями правительства не будет. Наоборот, по их мнению, полумеры властей в отношениях со старообрядцами только усугубляли существующую ситуацию⁶⁰.

В итоге все существующие положения и отчеты были переданы в Министерство внутренних дел и доведены до сведения Николая I, который 1 мая 1853 г. издал повеление о Семеновских скитах. Иногда его трактуют как распоряжение закрыть скиты, что неверно. Однако последовавшее в 1853 г. ужесточение политики государства по отношению к старообрядцам несомненно. Оно, вероятно, было связано с появлением у старообрядцев в феврале 1853 г. епископа Владими尔斯ко-го и всея России. В этот сан в Австрии был рукоположен Антоний (Шутов), нелегально выехавший в Москву. Как представляется, в ответ 18 февраля 1853 г. создается Особый секретный комитет по делам раскольников во главе с новым, более жестким, чем Перовский, министром внутренних дел Д. Г. Бибиковым. 10 июня комитет Бибикова представил царю ряд очень болезненных для старообрядцев мер. В их числе было Положение об упразднении всех старообрядческих скитов «без всякого исключения». Однако эта мера, как и прочие, должна была исполняться постепенно. 9 июля Особый комитет отдельно это подчеркнул⁶¹. 17 апреля 1855 г. (уже при Александре II) указанный орган упразднили. Принятые им акты новый царь повелел проводить «постепенно, с осторожностью»⁶². Фактически же они были положены под сукно.

⁵⁷ ЦАНО. Ф. 570. Оп. 558. Д. 27. Л. 12.

⁵⁸ Звездин А. И. Указ. соч. С. 35.

⁵⁹ Там же. С. 37.

⁶⁰ Там же. С. 38.

⁶¹ Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1875. С. 470, 476.

⁶² Там же. С. 499–500.

Вернемся теперь к повелению Николая I о Семеновских скитах от 1 мая 1853 г. Оно, в соответствии с рекомендациями нижегородского губернатора Урусова и Нижегородского секретного комитета, предписывало выслать из скитов всех раскольников, не приписанных к ним по 9-й ревизии. Принадлежавшие им дома предназначались на продажу под снос⁶³. Таким образом, скиты как таковые сохранились. Их обитатели, зарегистрированные 9-й ревизией (1850 г.), так называемые «ревижские», могли и дальше там проживать. И лишь новички, имевшие паспорта, но прописанные в других местах («паспортницы»), а также лица без документов подлежали удалению.

Данное повеление было объявлено на местах 15 мая 1853 г. Однако большинство скитских жителей в первое время его проигнорировали. Причинами тому послужили надежды на скорую отмену указа, а также сомнения в его подлинности. Слух об этом распространяла настоятельница Игнатьевой обители в Комаровском скиту Александра. Но когда в октябре 1853 г. семеновский уездный исправник лично проследил за сломом часовни в Игнатьевой обители, скитницы начали сами рушить свои дома и уезжать. За месяц «было сломано 358 жилых строений и выехало из скитов 741 человек»⁶⁴.

Однако даже из этой ситуации старообрядцы сумели извлечь для себя пользу. Им было на руку то, что в скитах практически повсеместно отсутствовали письменные документы на право владения той или иной недвижимостью. Поэтому исправник их не требовал. Он отдавал решение указанного вопроса на откуп самим скитницам. Соответственно, «каждая ревижская объяняла своей собственностью какое-нибудь просторное строение, обитаемое до того времени паспортницами, а паспортницы объяняли своими домами большею частью ветхие и тесные кельи»⁶⁵. В результате ветхие дома сносились, а официально прописанным к скиту жителям оставались крепкие постройки. П. И. Мельников свидетельствует о том, что «до 1854 года из всего скитского строения было три четверти ветхого, а теперь только одна пятая часть»⁶⁶.

Кроме того, именной список раскольников, обитающих в скитах, имевшийся у властей был устарелым (1843 г.) и содержал множество ошибок и неточностей. Наличие паспортов у скитниц в нем указано не было, поэтому местная полиция, столкнувшись в 1853 г. с необходимостью отбора лиц, подлежащих депортации, действовала по обстоятельствам. Исправники высыпали всех паспортных жителей без предъявления последними документов и их изъятия. Соответственно, проследить их новое место жительства не представлялось возможным.

Многие скитники переселились в ближайший уездный город Семенов. Протоиерей Райковский в этой связи с сожалением констатировал: «чем меньше

⁶³ Собрание постановлений... С. 468.

⁶⁴ Мельников П. И. Указ. соч. С. 118.

⁶⁵ Там же. С. 121.

⁶⁶ Там же.

скитов в уезде, тем более они образуются в самом Семенове»⁶⁷. Сетуя на умножение числа «раскольнических притонов» в Семенове, местный священник Павел Лебедев в 1854 г. предлагал епископу Иеремии, якобы по предписанию МВД, а скорее всего, по проекту местных полицейских властей, все скиты переместить в один и в рамках этого мероприятия выселить всех скитниц из Семенова. «Более удобными для сего предмета, писал Лебедев, земская полиция находит два скита: Оленевский и Улангерский...»⁶⁸.

В 1853 г. властями было ликвидировано шесть керженских скитов: Гордеевский, Кошелевский, Крутовражский, Прудовский, Федосеевский и Малиновский. Но, по классификации Алябьева, они в основном относились к третьему классу, т. е. были малонаселенными. Зато сохранилось восемь скитов, причем почти все первоклассные (многонаселенные и значимые для старообрядцев): Оленевский, Комаровский, Улангерский, Шарпанский, Чернухинский, Быстренский, выселок Осиновского скита и Липовский. Кроме того, остался Муховатовский скит, в котором старообрядцы занимались земледелием, следовательно, с точки зрения государства не могли считаться «скитскими жителями»⁶⁹.

На наш взгляд, подобная ситуация была следствием попустительства местных властей, и прежде всего губернатора М. А. Урусова. О потворстве старообрядцам говорят и обстоятельства осмотра скитских поселений губернатором 2 и 3 января 1854 г. В каждом ските была произведена перекличка. Посторонних лиц не оказалось (они на время проверки покинули скиты, а когда начальство уехало, вернулись). Так произошло потому, что местные жители ожидали визита губернатора в указанные даты⁷⁰. Но информацию эту они могли получить лишь от представителей власти.

Кроме того, М. А. Урусов, вопреки правительенным распоряжениям, по просьбам скитниц — «престарелых и дряхлых старух, из которых многие по преклонным летам не в силах управлять домохозяйством», — позволил им иметь в качестве работников крестьян из окрестных селений⁷¹.

Особенно об этом просили скитницы Шарпанского и Быстренского скитов. Видимо, желая поставить этот порядок на легальную основу, губернатор переадресовал указанную просьбу министру внутренних дел Д. Г. Бибикову. Но тот не только не одобрил эту инициативу, но и приказал оба названных скита закрыть⁷².

Кроме того, своим предписанием от 22 января 1854 г. Д. Г. Бибиков попросил губернатора предоставить сведения о «взаимном расстоянии оставшихся

⁶⁷ О мерах, предпринятых в 50–60 годах настоящего столетия для ослабления раскола в Нижегородской епархии (По официальным, неизданным, документам консисторского архива Нижегородской епархии). Н. Новгород, 1896. С. 63.

⁶⁸ Там же. С. 65–66.

⁶⁹ Мельников П. И. Указ. соч. С. 123.

⁷⁰ Там же. С. 125–126.

⁷¹ ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 2596. Л. 193–194.

⁷² Мельников П. И. Указ. соч. С. 125–126; ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 2596. Л. 280, 295, 301.

к существованию скитов и о том, в каком положении находятся теперь места, на коих существовали уничтоженные шесть скитов». М. А. Урусов тянулся с ответом полгода, до 27 июля, и ограничился отпиской, в которой сведения о расстояниях между скитами отсутствовали. Что касается мест, на которых были уничтоженные скиты, то губернатор предоставил недостоверную информацию о том, что они находятся впусте. Но, как доложил министру П. И. Мельников, на месте Гордеевского скита оставалась раскольническая моленная⁷³. В письме Урусову от 11 декабря 1854 г. Д. Г. Бибиков, по сути, уличил М. А. Урусова во лжи и в недобросовестном выполнении распоряжений министерства и высочайших повелений. Естественно, М. А. Урусов в такой ситуации больше не мог занимать должность нижегородского военного губернатора. Он был от нее освобожден, но при этом переведен на более высокую должность витебского, могилевского и смоленского генерал-губернатора. Это, на наш взгляд, свидетельствовало о том, что Николая I действия М. А. Урусова не слишком разгневали.

Характерно, что сменивший М. А. Урусова на посту нижегородского губернатора Ф. В. Анненков также не принадлежал к числу гонителей старообрядцев. При Александре II власти оставили всякие попытки прекратить функционирование скитов. Самые значимые первоклассные скиты — Оленевский, Комаровский, Улангерский, Чернухинский — просуществовали до начала 1930-х гг.⁷⁴

Заключение. Пример Нижегородской губернии показывает, что в эпоху Николая I не существовало единой скоординированной программы действий государства и церкви по ликвидации старообрядческих скитов. Правительственные распоряжения, включая знаменитое повеление Николая I от 1 мая 1853 г., возникали как реакция на предложения с мест и носили локальный (относящийся к конкретной местности) характер. Инициаторами активизации борьбы с раскольническими скитами являлись некоторые епископы и чиновники среднего звена. Причем модель поведения чиновника по особым поручениям П. И. Мельникова не являлась типичной, а была, скорее, исключением из правил. Губернаторы, полиция, чиновники Удельного ведомства нередко покровительствовали старообрядцам. При попустительстве губернских и полицейских чиновников способ реализации правительственных мер на местах был максимально мягким по отношению к скитам. Более того, пользуясь скрытой поддержкой некоторых представителей власти, староверы сумели кое в чем использовать ситуацию для своей пользы. Самые значимые керженские скиты — Оленевский, Комаровский, Улангерский, Чернухинский — пережили эпоху Николая I. Ликвидация других скитов привела к тому, что их жители перенесли свои объединения в Семенов и некоторые другие города.

⁷³ ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 5152. Л. 1.

⁷⁴ Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М., 2000–2024. Т. XXXII. С. 493.

Литература

1. Аксянова О. В. Служебные поручения П. И. Мельникова (1848–1849) // Нижегородский краевед: сборник научных статей. Вып. 4 / сост. и науч. ред. Ф. А. Селезнев. Нижний Новгород: Центр краеведческих исследований ИМОМИ ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2018. С. 143–149.
2. Апанасенок А. В. Религиозный традиционализм в провинциальной России: история старообрядческих сообществ Центрального Черноземья в XVII – начале XX в. Курск: Региональный открытый институт, 2014. 397 с.
3. Белобородов С. А. О типологии старообрядческих скитов на Урале // Церковь. Богословие. История. Материалы III Международной научно-богословской конференции, посвященной 130-летию Екатеринбургской епархии и памяти Собора новомучеников и исповедников Церкви Русской. Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2015. С. 50–57.
4. Верняев И. И. Очерки истории этноконфессиональной политики в России. СПб.: Дмитрий Буландин, 2017. 640 с.
5. Ибнекеева Г. В. Императрица Екатерина II и старообрядческое население Нижегородского края // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): сборник научных трудов. М.: Языки славянских культур, 2010. Вып. 4. С. 64–79.
6. Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: в 2 т. / сост. Г. М. Прохоров; общ. ред. В. В. Нехотина. М.: Институт ДИ-ДИК; Квадрига, 2009. 688 с.
7. К 200-летию пребывания Александра I в Екатеринбурге (к истории вопроса) / В. Н. Синько и др. // Право и управление. 2024. № 12. С. 426–431. <https://doi.org/10.24412/2224-9133-2024-12-426-431>
8. Клейтман А. Л. Рукописное наследие епископа Саратовского и Царицынского Иакова (Вечеркова) в российских архивах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2014. Т. 14. Вып. 3. С. 109–114.
9. Наумлюк А. А. Государственная конфессиональная политика по отношению к старообрядчеству в Саратово-Самарском Поволжье во второй половине XVIII – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2009. 198 с.
10. Мельников И. А. Старообрядческие скиты и богадельни Новгородской губернии во второй половине XVIII–XIX в. // Вестник архивиста. 2020. № 4. С. 1058–1069. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2020-4-1058-1069>
11. Мельников Ф. Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул: БГПУ, 1999. 557 с.
12. Морохин А. В. Заволжские старообрядческие скиты в 40–50 гг. XVIII века // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: сборник научных и методических трудов. Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2001. С. 144–150.
13. Пивоварова Н. В. Скиты Семеновского уезда Нижегородской губернии и П. И. Мельников (по материалам Российского государственного исторического архива) // Старообрядец. 2002. № 25. С. 15.
14. Рудаков С. В. Краткая история заволжских скитов. «Мельниковское зорение» / Старообрядец. 1997. № 5. С. 14.
15. Рыков Ю. Д. Новонайденная повесть о разорении Иргизского Средне-Никольского монастыря в 1837 г. // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): сборник научных трудов. М.: Языки русской культуры, 1999. Вып. 4. С. 301–313.

16. Селезnev Ф. А. Особые поручения чиновника Мельникова: Писатель Андрей Печерский на государственной службе // Родина. 2014. № 2. С. 37–40.
17. Селезнев Ф. А., Пинаева Т. Ю. П. И. Мельников в Шарпанском скиту (1848 год): документы ЦАНО // Нижегородский краевед: сборник научных статей / отв. ред. Ф. А. Селезнев. Нижний Новгород: Pixel Print, 2015. Т. 1. С. 98–110.
18. Соколова В. Ф. Нравственное состояние и экономическое положение нижегородских старообрядцев XIX в. (по материалам научных и художественных исследований П. И. Мельникова-Печерского) // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 8. М.: Музей истории и культуры старообрядчества, 2000. С. 18–22.
19. Соколова В. Ф. П. И. Мельников (Андрей Печерский). Очерк жизни и творчества. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1981. 191 с.
20. Усов П. С. Павел Иванович Мельников (Андрей Печерский), его жизнь и литературная деятельность // Полное собрание сочинений П. И. Мельникова (Андрея Печерского): в 14 т. СПб.; М.: Т-во М. О. Вольф, 1897. Т. 1. С. 1–316.

References

1. Aksyanova O. V. Sluzhebnye porucheniia P. I. Mel'nikova (1848–1849) [Official assignments of P. I. Melnikov (1848–1849)] // Nizhegorodskii kraeved: sbornik nauchnykh statei [Nizhny Novgorod local historian: collection of scientific articles]. Issue 4 / compiler and scientific editorship by F. A. Seleznev. Nizhny Novgorod: Center for Local History Research at the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 2018. P. 143–149. (In Russ.).
2. Apanasenok A. V. Religioznyi traditsionalizm v provintsial'noi Rossii: istoriia staroobriadcheskikh soobshchestv Tsentral'nogo Chernozem'ia v XVII – nachale XX v. [Religious traditionalism in provincial Russia: the history of Old Believer communities in the Central Black Earth region in the XVII – early XX centuries]. Kursk: Regional Open Institute, 2014. 397 p. (In Russ.).
3. Beloborodov S. A O tipologii staroobriadcheskikh skitov na Urale [On the typology of Old Believer skits in the Urals] // Tserkov'. Bogoslovie. Istoriiia. Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-bogoslovskoi konferentsii, posviashchennoi 130-letiiu Ekaterinburgskoi eparkhii i pamiatii Sobora novomuchenikov i ispovednikov Tserkvi Russkoi [Church. Theology. History. Proceedings of the III International Scientific and Theological Conference dedicated to the 130th anniversary of the Yekaterinburg Diocese and the memory of the Council of New Martyrs and Confessors of the Russian Church]. Yekaterinburg: Yekaterinburg Theological Seminary, 2015. P. 50–57. (In Russ.).
4. Vernyaev I. I. Ocherki istorii etnokonfessional'noi politiki v Rossii. [Essays on the history of ethno-confessional policy in Russia]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2017. 640 p. (In Russ.).
5. Ibneeva G. V. Imperatritsa Ekaterina II i staroobriadcheskoe naselenie Nizhegorodskogo kraia [Empress Catherine II and the Old Believer population of the Nizhny Novgorod region] // Staroobriadchestvo v Rossii (XVII–XX vv.) [Old Believers in Russia (XVII–XX centuries)]: a collection of scientific papers. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2010. Issue 4. P. 64–79. (In Russ.).
6. Zenkovsky S. A. Russkoe staroobriadchestvo [Russian Old Belief]: in 2 vols. / compiler G. M. Prokhorov; general editorship by V. V. Nekhotin. Moscow: Institut DI-DIK; Kvadriga, 2009. 688 p. (In Russ.).

7. K 200-letiiu prebyvaniia Aleksandra I v Ekaterinburge (k istorii voprosa) [On the 200th anniversary of Alexander I's stay in Yekaterinburg (on the history of the issue)] / V. N. Sinko et al. // Law and Management. 2024. № 12. P. 426–431. <https://doi.org/10.24412/2224-9133-2024-12-426-431> (In Russ.).
8. Kleytman A. L. Rukopisnoe nasledie episkopa Saratovskogo i Tsaritsynskogo Iakova (Vecherkova) v rossiiskikh arkhivakh [The manuscript heritage by the Bishop of Saratov and Tsaritsin Eparchy Jacob (Vecherkov) in the Russian archives] // Izvestiya of Saratov University. History. International Relation. 2014. Vol. 14. Iss. 3. P. 109–114. (In Russ.).
9. Naumlyuk A. A. Gosudarstvennaia konfessional'naia politika po otnosheniiu k staroobriadchestvu v Saratovo-Samarskom Povolzh'e vo vtoroi polovine XVIII – nachale XX v. [State confessional policy towards the Old Believers in the Saratov-Samara Volga region in the second half of the XVIII — early XX centuries]: PhD thesis abstract. Saratov, 2009. 198 p. (In Russ.).
10. Melnikov I. A. Staroobriadcheskie skity i bogadel'ni Novgorodskoi gubernii vo vtoroi polovine XVIII–XIX v. [Old Believer sketes and almshouses of the Novgorod gubernia in the second half of the 18th – 19th century] // Herald of an Archivist. 2020. № 4. P. 1058–1069. (In Russ.).
11. Melnikov F. E. Kratkaia istoriia drevlepravoslavnói (staroobriadcheskoi) tserkvi [A brief history of the Old Orthodox (Old Believer) Church]. Barnaul: BGPU, 1999. 557 p. (In Russ.).
12. Morokhin A. V. Zavolzhskie staroobriadcheskie skity v 40–50 gg. XVIII veka [Volga Old Believer skits in the 1740s – 1750s] // Nizhegorodskie issledovaniia po kraevedeniiu i arkheologii [Nizhny Novgorod research on local history and archeology]: collection of scientific and methodological works. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Humanitarian Center, 2001. P. 144–150. (In Russ.).
13. Pivovarova N. V. Skity Semenovskogo uezda Nizhegorodskoi gubernii i P. I. Mel'nikov (po materialam Rossiiskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva) [Skits of the Semenovsky district of the Nizhny Novgorod province and P. I. Melnikov (Based on materials from the Russian State Historical Archive)] // Staroobriadets [Starobryadets]. 2002. № 25. P. 15. (In Russ.).
14. Rudakov S. V. Kratkaia istoriia zavolzhskikh skitov. «Mel'nikovskoe zorenie» [A brief history of the Volga skits. “The Melnikov dawn”] // Staroobriadets [Starobryadets]. 1997. № 5. P. 14. (In Russ.).
15. Rykov Yu. D. Novonaidennaia povest' o razorenii Irgizskogo Sredne-Nikol'skogo monastyrja v 1837 g. [Newly found story about the destruction of the Irgiz Middle-Nicholas Monastery in 1837] // Staroobriadchestvo v Rossii (XVII–XX vv.) [Old Believers in Russia (XVII–XX centuries)]: : collection of scientific papers. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1999. Issue 4. P. 301–313. (In Russ.).
16. Seleznev F. A. Osoby porucheniiia chinovnika Mel'nikova: Pisatel' Andrei Pecherskii na gosudarstvennoi sluzhbe [Special assignments of official Melnikov: Writer Andrey Pechersky in state service] // Rodina. 2014. № 2. P. 37–40. (In Russ.).
17. Seleznev F. A., Pinaeva T. Yu. P. I. Mel'nikov v Sharpanskom skitu (1848 god): dokumenty TsANO [P. I. Melnikov in the Sharpansky skit (1848): documents from the TSANO] // Nizhegorodskii kraeved [Nizhny Novgorod local historian]: collection of scientific articles / ed. by F. A. Seleznev. Nizhny Novgorod: Pixel Print, 2015. P. 98–110. (In Russ.).

18. Sokolova V. F. Nравственное состояние и экономическое положение нижегородских старообрядцев XIX в. (по материалам научных и художественных исследований П. И. Мельникова-Печерского) [The moral state and economic situation of the Nizhny Novgorod Old Believers in the 19th century (based on the materials of scientific and artistic research by P. I. Melnikov-Pechersky)] // Staroobriadchestvo: istoriia, kul'tura, sovremenost' [Old Believers: history, culture, modernity]. Issue 8. Moscow: Museum of History and Culture of the Old Believers, 2000. P. 18–22. (In Russ.).
19. Sokolova V. F. P. I. Mel'nikov (Andrei Pecherskii). Ocherk zhizni i tvorchestva [P. I. Melnikov (Andrey Pechersky). Essay on life and work]. Gorky: Volgo-Viatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1981. 191 p. (In Russ.).
20. Usov P. S. Pavel Ivanovich Mel'nikov (Andrei Pecherskii), ego zhizn' i literaturnaya deiatel'nost' [Pavel Ivanovich Melnikov (Andrey Pechersky), his life and literary activity] // Polnoe sobranie sochinenii P. I. Mel'nikova (Andreia Pecherskogo) [The complete works of P. I. Melnikov (Andrey Pechersky)]: in 14 vols. St. Petersburg; Moscow: Tovarishchestvo M. O. Vol'f, 1897. Vol. 1. P. 1–316. (In Russ.).